

Е.В. Роцупкина

ЗАБЫТЫЙ ИСТОРИК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ — СЕМЕН ЕФИМОВИЧ РОЗЕНБЕРГ

Преподавателям политической экономии и студентам, изучавшим этот предмет в высшей школе в советское время, хорошо известно имя Давида Иохелевича Розенберга, чьи комментарии к трем томам «Капитала» К. Маркса были самым популярным путеводителем и пособием при изучении главного экономического труда Маркса. Но сегодня мы хотим рассказать еще об одном Розенберге, еще об одном историке экономической мысли (к сожалению, незаслуженно забытом) — Розенберге Семене Ефимовиче.

Это человек трудной и трагической судьбы. Подробных сведений о его жизни и деятельности не сохранилось¹, как нет и работ, посвященных исследованию его творчества. Поэтому немногочисленные биографические данные из жизни С.Е. Розенберга приходилось собирать буквально по крупицам из разных источников².

Семен Ефимович Розенберг родился в 1895 г. в Ковенской губернии, местечке Средники. Он был еврей по национальности, получил высшее образование, хорошо владел немецким языком, был членом ВКП(б) с 1920 г. Нам так и не удалось найти сведений о том, в каком из учебных заведений страны Розенберг получил, по всей видимости, экономическое образование.

Перед тем как попасть в Иркутск С.Е. Розенберг был, очевидно, слушателем экономического отделения Института красной профессуры (ИКП) при ЦК ВКП(б), который был создан 11 февраля 1921 г. для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук. Курс в данном учебном заведении составлял 3 года. Именно после окончания Института красной профессуры С.Е. Розенберг мог оказаться в Иркутске, где начал преподавательскую деятельность в 1924–25 учебном году в должности доцента Иркутского

государственного университета. Доказательством этого факта может служить первая обнаруженная нами иркутская публикация С.Е. Розенберга «Состояние нашей текстильной промышленности», появившаяся 28 декабря 1924 г. в губернской газете «Власть труда»³.

В 1926–27 учебном году С.Е. Розенберг был назначен деканом факультета права и местного хозяйства. Этот факультет был открыт осенью 1924 г., после реорганизации факультета общественных наук Иркутского государственного университета, и сокращенно именовался «хозправфак». Хозправфак был призван готовить специалистов для суда, прокуратуры и местных административных органов, а также для торгово-промышленных и финансовых учреждений Сибири⁴.

По мнению авторов издания, посвященного становлению и развитию юридического образования в Иркутском университете, в назначении С.Е. Розенберга на должность декана факультета следует усматривать факт усиления влияния на административную деятельность ячейки ВКП(б)⁵. Возможно в этом утверждении есть зерно истины, если вспомнить, что С.Е. Розенберг был членом ВКП(б) и слушателем Института красной профессуры. Как известно, ИКП был специальным учебным учреждением, созданным в рамках реформирования вузовской системы в первые годы Советской власти. Основная линия партии в этой сфере деятельности была определена как «политическое завоевание высшей школы», а в комплекс первоочередных задач были включены следующие: придать вузам революционно-марксистскую направленность, мобилизовать теоретические силы партии для преподавания общественных наук в вузах, откомандировать в высшую школу партийную молодежь, назначать на ключевые посты ректоров и деканов красных вузов партийных работников⁶.

Имея экономическое образование, С.Е. Розенберг начинает читать в университете цикл экономических дисциплин, таких как политическая экономия, банковское и кредитное дело, науку о финансах. Но особой сферой его научных интересов стала все же история экономической мысли, о чем свидетельствуют выявленные на сегодняшний день его публикации. Среди статей, написанных, что называется, «на злобу дня» и посвященных текущим проблемам хозяйственной жизни (розничным ценам,

индустриализации, состоянию текстильной промышленности, хозяйственному кризису в Германии)⁷, выделяются серьезные научно-исследовательские работы по истории политической экономии. Именно в этих публикациях, на наш взгляд, С.Е. Розенберг заявил о себе как серьезный ученый, поскольку исследования, проведенные в этих работах, будучи обращены в прошлое, по самой своей природе носили более академический характер, чем выступления по актуальным вопросам экономической политики. Так, в 1924 г. в Томской газете «Красное знамя» была опубликована статья С. Розенберга «В сокровищнице мысли»⁸, а в 1925 г. в сборнике трудов Института красной профессуры — «Теория распределения Туган-Барановского и Струве»⁹.

В Иркутске, будучи уже деканом хозправфака, в 1927 г. С.Е. Розенберг публикует свою, по всей видимости, самую значительную работу по истории экономических учений — «Меркантилизм и социально-философские основы физиократической системы (Очерк из истории экономической мысли)», увидевшую свет в «Сборнике трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета»¹⁰. По замыслу автора статья была первой частью большой работы под названием «Меркантилисты и физиократы», посвященной первым системам политической экономии. Вторая часть работы, посвященная сущности учения физиократов, была готова к печати, но, как пишет в послесловии сам автор, «за недостатком места, не могла быть напечатана»¹¹.

Увидевший свет практически одновременно со сборником трудов отдельный оттиск статьи отличается не только самостоятельной пагинацией страниц. Разделы статьи не просто пронумерованы в нем, как это сделано в сборнике. Они именуются главами, а главное — имеют заглавия, что дает возможность лучше понять структуру опубликованной части работы:

Введение

Гл. I. Сущность меркантилистической системы

Гл. II. Два периода в развитии меркантилистической системы

Гл. III. Роль правительственных пошлин в меркантилистической системе

Гл. IV. Торговые договоры в борьбе за мировой рынок

Гл. V. Регламентация производства при меркантилизме

- Гл. VI. Меркантилистические взгляды в литературе
- Гл. VII. Итоги
- Гл. VIII. Реакция против меркантилизма в Англии
- Гл. IX. Экономическое положение Франции 18-го века
- Гл. X. Предшественники физиократов
- Гл. XI. Возникновение и развитие физиократической системы
- Гл. XII. Социально-философская основа физиократической системы

Как видим, автор, исходит из того, что история экономической мысли представляет собой смену не отдельных мнений, а цельных, законченных систем. Таким образом, рассматривая закономерности эволюции экономической мысли, С.Е. Розенберг вполне логично, начинает свое исследование с анализа меркантилизма. Он убедительно доказывает, что меркантилизм это не только первая система экономических мероприятий и взглядов, но и исторический предшественник систем физиократов во Франции и А. Смита в Англии, в борьбе с которым они сформировались во второй половине XVIII в.

Во введении автор пишет: «Система физиократов возникла из борьбы против меркантилистической системы. Каждое положение, каждый тезис этой школы направлен своим острием против кольбертизма — французской разновидности меркантилизма. Физиократы развертывают свою систему в процессе критики меркантилистических взглядов. На самом деле, их рассуждения о ценности, деньгах, торговле, налоговой системе, валовом и чистом доходе и т.д. — все эти рассуждения имеют своей целью доказать ошибочность меркантилистических взглядов. Поэтому исследование сущности физиократической системы невозможно без ознакомления с взглядами меркантилистов»¹².

После тщательного анализа экономической практики и экономических взглядов меркантилизма С.Е. Розенберг умело подводит читателя к обоснованию тех принципиально новых методологических основ, на которых покоится вся система физиократов. В XVIII в. на смену представлениям об административно-регулируемом способе ведения хозяйства приходит идея естественной закономерности, которая действует не только в природе, но и в обществе. Она становится фундаментом всех

общественных наук того времени, в том числе и политэкономии. На этом методологическом фундаменте базировалась система физиократов. Последние, как показывает автор, вели бескомпромиссную борьбу с попытками меркантилистов поставить под опеку государства все народное хозяйство.

С.Е. Розенберг дает яркие характеристики предшественников физиократов: Буагильбера, маркиза Аржонсона, Кантильона, а также самих физиократов, и прежде всего, главы этой школы — Франсуа Кенэ. Автор широко представляет читателю подлинные взгляды тех мыслителей, о которых пишет, умело передает эмоциональную окраску рассматриваемого времени. С.Е. Розенберг как бы погружает читателя в те эпохи, когда жили рассматриваемые экономисты, что позволяет воспринимать их учения в конкретно-историческом контексте, как органическую часть идейной и всей общественной жизни своего времени.

В целом можно сказать, что исследование С.Е. Розенберга о сущности меркантилизма и философско-методологических основах учения физиократов создает впечатление серьезного научного произведения. Автор показывает себя, прежде всего, как неординарный мыслитель, высказывая оригинальные идеи о природе меркантилизма. Определяя сущность меркантилизма, С.Е. Розенберг в первой главе работы не соглашается с устоявшимся в литературе мнением, которое ведет свое начало с «Исследований о природе и причинах богатства народов» А. Смита о том, что основным решающим признаком меркантилизма является отождествление денег с богатством. С его точки зрения, «характерным моментом для всего меркантилизма является *утверждение, что богатство одной нации может увеличиваться только за счет уменьшения его у другой посредством внешней торговли*»¹³.

И в последующих главах автор, рассматривая социально-экономические корни меркантилизма, убедительно доказывает это теоретическое положение. С.Е. Розенберг выступает и как эрудированный исследователь, хорошо знающий литературу вопроса, мастерски использующий широкую источниковую базу. На страницах его работы мы можем встретить сотни цитат и ссылок на книги выдающихся экономистов — А. Смита, К. Маркса, В. Рошера, М. Вебера, и на работы известных ученых-

исследователей, таких как И.М. Кулишер, А.Н. Миклашевский, А. Онкен, И.И. Янжул, А.И. Чупров и др., что позволяет не только в точности передать суть тех или иных теорий, но и воспроизвести общекультурный фон, на котором они создавались, аромат соответствующих эпох, различия в научном кругозоре разных авторов, их позиции по важнейшим экономическим вопросам.

К сожалению, работа С.Е. Розенберга не вызвала большого резонанса в экономической литературе. Возможно потому, что была опубликована в провинциальном журнале, но, скорее всего потому, что в середине 1920-х гг. государство все более энергично стало ставить под контроль развитие экономической науки, которая постепенно загонялась в «прокрустово ложе» марксизма. Попытки независимого исследования в области теоретической экономики или истории экономической мысли в этих условиях все чаще стали наталкиваться на все более резкую и грубую критику, а затем и прямые преследования.

Именно такая участь постигла исследование С.Е. Розенберга. В популярном литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Сибирские огни», издававшемся в Новосибирске, в первом номере за 1928 г. в рубрике «Критика и библиография», появилась рецензия, подписанная фамилией Круссер, которая, на наш взгляд, сыграла роковую роль в развитии научного творчества, да и всей дальнейшей судьбе С.Е. Розенберга.

Рецензентом статьи выступил Георгий Владимирович Круссер (1893–1953), который родился в г. Омске, в 1917 г. закончил юридический факультет Томского университета, в интересующий нас период с 1927 по 1933 г. работал в Новосибирске, сначала заместителем управляющего Сибкрайиздатом, а с 1929 г. — заместителем директора планового института. Его рецензия на работу С.Е. Розенберга носила ярко выраженный отрицательный характер. Уже в начале своей публикации Круссер заявляет: «Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета представляет значительный интерес, в смысле научного освещения местных проблем края. Здесь находят место и серьезные работы общенаучного характера. К сожалению, иногда, в последней области попадают такого рода компилятивные труды, самый смысл появления которых возбуж-

дает сомнения. Выдающимся образцом такой работы является упомянутая в оглавлении работа С. Розенберга»¹⁴.

Далее автор рецензии перечисляет целый ряд обвинений в адрес статьи С.Е. Розенберга. В первую очередь, он подвергает критике структуру работы: «Сомнение возникает, — пишет Круссер, — при ознакомлении с внешней конструкцией исследования: из 79 страниц очерка посвящено только 7 страниц «социально-философской основе физиократической системы», 15 страниц — предшественникам физиократов и физиократам, все остальное — изложение меркантилистической системы». Исходя из этого автор восклицает: «Где же целый ряд важнейших теоретических идей, которые впоследствии, через посредство классиков и Маркса вошли в современную экономическую науку? Где, прежде всего, гениальная теория воспроизводства, изложенная в «Экономической таблице» Кенэ?... Не упомянуто... учение физиократов о чистом доходе и так называемых «авансах», в котором, по мнению Маркса, различается идея основного капитала. Ни звука об общественных классах Кенэ и Тюрго. Отсутствует проблема ренты, превращение ее в проблему чистого дохода (прибавочной стоимости) и перенесение проблемы прибавочной стоимости из сферы обмена в сферу производства»¹⁵.

Вывод на основании этого Круссер делает однозначный: «ближайшее ознакомление с очерком показывает, что заглавие, и конструкция объединяют просто хаотический набор цитат из известных экономических работ, не сцементированных ни общей идеей, ни удовлетворительной литературной техникой». Пытаясь подтвердить весомость сделанного вывода, Круссер далее пишет: «От внешней стороны перейдем к более важному — внутреннему содержанию предлагаемой работы, к определению ее научного удельного веса. Система меркантилистов и физиократов достаточно освещена в старых курсах по истории экономических учений: Онкена, Янжула, Жид и Гост, Миклашевского и друг... Главы, посвященные автором меркантилизму, представляют собой водоворот цитат и сумбурность мыслей. Марксистского анализа здесь, конечно, нет, да и трудно ему быть при таком безудержном канканировании мыслей, слов, имен»¹⁶.

И в заключении автор делает вывод: «Заканчивая настоящий обзор работы С. Розенберга, нужно сказать о тех требованиях,

которые должны предъявляться к научной работе, помещаемой в трудах ВУЗа.... Научная работа, исходящая из стен ВУЗа должна давать.. умение использовать методологию предмета. Рассмотренная сейчас работа ни в какой степени не удовлетворяет тем требованиям, которые должны к ней предъявляться. Совершенно непонятен смысл ее появления на свет... Плохая компиляция, имеющая характер слабого студенческого реферата, неряшливо написанная, она должна принести лишь вред, так как приучает к той литературной халтуре, которая становится большим злом настоящего времени»¹⁷.

Как видим, в рецензии Круссера нет и намек на научную полемику. Его критические замечания по существу представляли собой яркий пример зарождающейся тенденции в отечественной экономической науке, когда важнейшим критерием оценки работ становится использование марксистской методологии, т.е. соответствие тех или иных положений учению К. Маркса (не это ли подразумевал Круссер, когда писал об умении использовать методологию предмета и отсутствии марксистского анализа!). Если же теоретические конструкции автора не помещались в «прокрустово ложе» новой «научной» парадигмы, то просто объявлялись ересью, или как у Круссера, «литературной халтурой».

Столь резкая, плохо аргументированная и неконструктивная критика в адрес своей работы не могла оставить С.Е. Розенберга равнодушным и не вызвать ответной реакции. Необходимость защиты своей чести ученого и своей научной состоятельности заставила Розенберга отправить ответ в редакцию журнала. Уже в третьем номере журнала за 1928 г. в рубрике «Письмо в редакцию» появилась его заметка с красноречивым названием «Об одной “рецензии”».

В своем ответе С.Е. Розенберг дает отпор по всем пунктам обвинения «рецензента» Круссера. Начинает свою статью Розенберг словами: «Добросовестность является первой предпосылкой объективной критики. Серьезное знакомство с трактуемой проблемой — вторая предпосылка. Аргументация выдвигаемых положений, а не голословное декларирование их — третья предпосылка. Круссер свободен от этих трех предпосылок»¹⁸.

Далее С.Е. Розенберг доказывает, что нельзя превращать рецензию в простой перечень основных вопросов второй части ра-

боты, посвященной анализу системы физиократов, которая еще не вышла в свет. «Подробнейший анализ перечисленных проблем, — пишет автор, — я даю во второй части работы, которая не могла быть напечатана в настоящем сборнике. Круссер это великолепно знал, но ... иногда выгодно критиковать еще не напечатанное... Таким образом, — продолжает Розенберг, — мне, кажется, удалось показать читателю: 1) насколько добросовестно Круссер выполняет обязанности рецензента и 2) что Круссер очень слабо разбирается в проблеме, о которой он высказывает так «авторитетно» свои суждения. Считаю не лишним привести в этой связи две справки:

1. Курса по истории экономической мысли Жида и Госта нет в природе. Есть курс по истории экономических учений Ш. Жида и Ш. Риста, первая глава которого посвящена физиократам... Но не только рецензент, но и ученик Совпартшколы мог бы установить, что в этой статье нет ничего марксистского. Круссер, как видно, принял это за марксистское освещение меркантилистической системы.

2. Точно так же нет в природе курса по истории экономических учений Янжула, а есть лишь его исследование по вопросу о возникновении и развитии свободной торговли в Англии, под названием «Английская свободная торговля» — в двух частях, причем о физиократической системе в этом исследовании ничего найти нельзя... Считаю не лишним отметить, что в работе Онкена «История политической экономии до А. Смита», в которой собран большой фактический материал о меркантилистах и физиократах, нет ни одного грана марксизма. Неужели Круссер считает работу Онкена марксистской?! Диву даешься, какая диспропорция между ...знаниями и... рецензентской прытью»¹⁹.

Таким образом, достойный ответ на критику в адрес своей работы был дан. И сегодня, задаваясь вопросом, почему интересное и серьезное историко-экономическое исследование С.Е. Розенберга не вызвало значительного интереса, а лишь встретило негативную реакцию, можно ответить: рецензия Круссера, вряд ли носила личный характер, скорее она была частью того процесса середины 1920-х гг., о котором хорошо написал профессор Л.Д. Широкоград: «Чем больше общественные науки нацеливались на решение чисто идеологических задач, тем все

более нетерпимым становилось любое, даже малейшее, даже кажущееся отклонение от догматически понимаемого и санкционированного властью марксизма. В этой обстановке зачастую сектанты и фанатики от науки (иногда весьма ученые) и просто приспособленцы вытесняют из науки настоящих ученых, воспитанных в дореволюционных российских университетах, где в начале XX в. экономическая наука достигла мирового уровня. Борьба ведется за то, чтобы доказать, что та или иная концепция ближе к «духу» марксизма. Те авторы, которые не ставили перед собой такой цели, становились либо малоинтересными, либо совсем неинтересными. Они как бы оказывались вне науки. В действительности это было проявлением неизлечимой болезни, поразившей советскую экономическую науку, — болезни, в конечном счете приведшей ее к гибели. Болезнь эту можно было бы назвать нетерпимостью к инакомыслию, категорическое отрицание принципа свободы творчества»²⁰.

Недоброжелательная рецензия Круссера вызвала к жизни крайне нездоровую обстановку, что сложилась вокруг С.Е. Розенберга в университете и заставила его уже в середине 1928 г. покинуть Иркутск и переехать в Москву.

Дальнейшая судьба С.Е. Розенберга сложилась трагически, как и у миллионов советских людей в годы «сталинских» репрессий. Семен Ефимович к преподавательской и научной деятельности так и не вернулся. В Москве он сначала работал заведующим учебной частью в Институте красной профессуры, а затем — инспектором по бюджету районного финансового отдела Кировского района г. Москвы. Проживал по улице Малая Бронная, д. 11/13, кв. 14, откуда и был арестован 24 ноября 1937 г., будучи обвиненным в активном участии в антисоветской троцкистской организации.

На одном из сайтов в Интернете мы обнаружили копию списка обвиняемых по первой категории из 75 человек, в котором имя Розенберга Семена Ефимовича значится под № 51²¹. Этот список был подготовлен и представлен 3 февраля 1938 г. начальником 8 отдела ГУГБ НКВД старшим майором государственной безопасности Цесарским и лично подписан Сталиным, Молотовым и Кагановичем. «Первая категория» означала, что члены Политбюро, чьи подписи значатся на титульном листе списка,

не возражают против расстрела этих людей. Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР был оглашен 9 февраля 1938 г., а 10 февраля 1938 г. Семен Ефимович Розенберг был расстрелян. Место его захоронения — Московская область, совхоз Коммунарка. Реабилитирован ВКВС СССР 23 марта 1956 г.²²

Сегодня, на наш взгляд, есть возможность реабилитировать Семена Ефимовича Розенберга и как ученого — историка экономической мысли, дать объективную оценку его вклада в науку, привлечь внимание исследователей и читателей к его научному труду.

Примечания

¹ Даже в изданиях, посвященных истории Иркутского государственного университета, где, хотя и недолго, работал Розенберг не раскрываются его инициалы. Он везде упоминается просто как С.Е. Розенберг. См.: Иркутский государственный университет. Ректоры, деканы, профессора (1918–1998). Иркутск, 1998. С. 173; Юридический институт Иркутского государственного университета. История юридического образования в ИГУ: 1918–2004. Иркутск, 2004. С. 18.

² Автор выражает признательность Д.Я. Майдачевскому за предоставленные им биобиблиографические материалы о С.Е. Розенберге.

³ См.: Розенберг С. Состояние нашей текстильной промышленности // Власть труда. 1924. 28 дек.

⁴ Настоящему и будущему возглавляемого им факультета С.Е. Розенберг посвятил статьи: Факультет права и местного хозяйства к 10-й годовщине Октябрьской революции // Наука и труд. 1927. С. 2–3 (Однодневная газета Иркутского университета. К девятилетию ИГУ и десятилетию Октябрьской революции); Еще о судьбе хозправфака // Власть труда. 1927. 19 февр.

⁵ См.: Юридический институт Иркутского государственного университета... С. 18.

⁶ См.: Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.; Л., 1929. С. 96.

⁷ См.: Розничные цены и крестьянство // Власть труда. 1925. 10 апр.; Хозяйственный кризис в Германии // Там же. 1926. 4 февр.; Что такое индустриализация // Там же. 1926. 21 июля; Индустриализация и режим экономии // Там же. 1926. 7 авг.

⁸ См.: Розенберг С. В сокровищнице мысли // Красное знамя (Томск). 1924. 18 нояб.

⁹ См.: Розенберг С. Теория распределения Туган-Барановского и Струве // Проблемы теоретической экономии» / под общ. ред. Ш.М. Дволайцкого и С.Б. Членова. М., 1925. С. 201–255.

¹⁰ См.: Розенберг С. Меркантилизм и социально-философские основы физиократической системы (Очерк из истории экономической мысли) // Сборник трудов профессоров и преподавателей ИГУ. Т. XIII. Иркутск. 1927. С. 75–156.

¹¹ Там же. С. 156.

¹² Там же. С. 75–76.

¹³ Там же. С. 80.

¹⁴ Сибирские Огни. 1928. № 1. С. 279.

¹⁵ Там же. С. 279–280.

¹⁶ Там же. С. 279.

¹⁷ Там же. С. 280–281.

¹⁸ Сибирские Огни. 1928. № 3. С. 240.

¹⁹ Там же. С. 242.

²⁰ Широкопад Л.Д. Проблемы истории европейской экономической мысли в работах В.М. Штейна // Вестник СПбГУ. 2005. Сер. 5. Вып. 4. С. 77–78.

²¹ Архив Президента РФ, оп. 24, д. 414, л. 372. Режим доступа: <http://stalin.memo.ru/regions/regi49.htm>.

²² Режим доступа: <http://lists.memo.ru/index17.htm>.